

ломатическим усилиям Сербии предотвратить надвигающуюся войну. Этим автор ставит под сомнение, и не без основания, состоятельность утверждений о том, что именно Сербия и подержавшая ее Россия ответственны за развязывание Первой мировой войны. Тезис о том, что в сложных международных отношениях 1914 г. именно сараевское убийство сыграло решающую роль в разжигании военного пожара, унесшего жизни миллионов, возможно, в ближайшее время может быть в значительной степени пересмотрен.

М. Перишич считает необходимым напомнить о существовании письма заместника Боснии О. Потioreка министру финансов Австро-Венгрии Л. фон Билинскому от 28 мая 1913 г. По мнению автора, это письмо убедительно доказывает, что планы развязывания мировой войны существовали задолго до покушения в Сараево. Хотя документ был впервые опубликован еще в 1928 г., он, как замечает М. Перишич, до сих пор редко анализировался в научных работах, так как плохо вписывался в принятые представления о предыстории войны. В начале 2014 г. М. Перишич вновь представил этот документ. Историк заметил, что на основании этого письма можно судить не только о заглаговременных намерениях военных кругов Вены развязать войну, но и об отношении Вены к сербам, хорватам и мусульманам, а также к политике объединения южных славян. «Письмо заканчивается словами, что нельзя допустить сближения Белграда и Загреба, точнее, что Загреб должен быть противовесом Белграду», – подчеркивает М. Перишич².

Авторская позиция вновь вызвала дискуссию о том, что послужило истинным мотивом

развязывания Первой мировой войны и кто ответственен за нее. Ряд немецких и австрийских историков подвергли сомнению представленные М. Перишичем документы, называя их малозначительными. Но этот тезис не подтверждается фактами: огромный интерес вызывают документы расследования и суда над участниками покушения в Сараево. Эти подробные отчеты привлекут внимание исследователей.

М. Перишич, уделяя особое внимание событиям кануна войны, подчеркивает непреложный факт, что ко всеобщему военному конфликту привели прежде всего неразрешенные противоречия европейских держав, вызревавшие на протяжении многих десятилетий.

Публикуемые документы призваны привлечь внимание специалистов, доверяющих не предвзятому мнению, а первоисточникам, и приблизить воссоздание объективной картины прошлого.

Выступая на открытии выставки «Июль 1914 г. в документах Архива Сербии» М. Перишич отметил, что «история опасна, если ее не понять, но цель историков и учреждений, в которых хранятся важные исторические документы, заключается в том, чтобы сделать историю менее опасной. Самый надежный путь к этому – научные исследования и диалог между учеными»³.

Е.П. Кудрявцева,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,

Б.С. Котов,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

² Андричград. Представлено письмо, из которого видно, кто желал Первой мировой войны. – Международное радио Сербии, 06.01.2014 – <http://www.srbija.ru/news/6861-id>

³ Выставка «Июль 1914 г. в документах Архива Сербии» – Международное радио Сербии, 28.07.2014 – <http://voiceofserbia.org/ru/content>

V. Henshaw. SCOTLAND AND THE BRITISH ARMY, 1700–1750. DEFENDING THE UNION. London: Bloomsbury, 2014. 300 p.

В. Хеншау. ШОТЛАНДИЯ И БРИТАНСКАЯ АРМИЯ, 1700–1750. ЗАЩИЩАЯ УНИЮ. Лондон, 2014, 300 с.

Британская армия давно является предметом пристального интереса не только среди профессиональных историков. Предпринимавшиеся с ее помощью усилия по поддержанию порядка на окраинах империи

и в метрополии многими рассматриваются в качестве эталонного образца и/или прообраза применения вооруженных сил в борьбе с инсургентами, идет ли речь о национально-освободительном движении в колониях или

поддержке шотландцами притязаний изгнанных Стюартов.

Вместе с тем такая роль была характерна для армии Великобритании скорее во времена расцвета, а затем и распада Британской империи во второй половине XVIII–XX вв. Предыдущее столетие британской истории являет менее однозначную картину взаимоотношений современного государства и созданной в 1661 г. королевской регулярной армии как в свете интеграционных процессов в рамках заключения Англией и Шотландией уний 1603 и 1707 гг., так и имперской политики Лондона. Малоизученным аспектам этого поворотного периода в истории армии будущей глобальной державы Европы Нового времени и посвящена работа Виктории Хеншау “Шотландия и британская армия, 1700–1750. Защищая унию”, вышедшая в издательстве Блумсбери в 2014 г.

Историографический контекст весьма благоприятен для предпринятого В. Хеншау исследования. Автор признает, что скорее восполняет лакуны, чем определяет новое направление в изучении британской армии в эпоху раннего Нового времени. Опираясь на работы военных историков, специалистов по изучению якобитизма и коллег, изучающих формирование и бытование британской идентичности, В. Хеншау попыталась воссоздать историю шотландских частей в британской армии и ее присутствия в Шотландии в свете параллельных процессов интеграции и дезинтеграции в Соединенном Королевстве в связи с заключением в 1707 г. Англией и Шотландией уний и попытками изгнанных Стюартов вернуть себе трон и отменить унию.

Методологические рамки исследования задаются представлением об армии как одном из институтов британского фискально-военного государства с особой структурой, динамикой и логикой развития, возможностями и задачами, что призвано помочь нарисовать “широкую картину перемен в армии, вызванных унией и... мятежами якобитов” (с. 8).

Взгляд на британскую армию как на социальный лифт для шотландцев, таким образом, занимает в работе особое место. В этой связи В. Хеншау обращается к проблеме шотландского наемничества, посвящая целую главу причинам распространенности этого явления среди шотландцев, представлений о них как о “прирожденных войнах”, перехода шотландцев от найма на службу к иностранным государствам, к военной карьере в рядах британской армии в условиях ее стремительного численного роста и институциональных перемен в первой половине XVIII в.

Речь идет также о военной службе как способе реабилитироваться перед правительством

за прямое или опосредованное участие в мятежах якобитов, убедить Лондон в своей лояльности. В этой связи автор уделяет внимание патронажу и родственным связям, показывая, как шотландские вожди и магнаты, лишенные наследства потомки знатных семейств за связь их глав с мятежниками на протяжении полувека якобитской активности представляли собой социальную среду, из которой рекрутировались армии якобитов и британская армия одновременно (с. 87–117).

Такое обращение к военной антропологии и исторической социологии позволило автору сделать ряд наблюдений относительно формирования британской идентичности. Отталкиваясь от замечания Л. Колли о том, что этот вопрос применительно к “красным мундирам” еще не изучен и нуждается в “отдельном, детальном исследовании”, В. Хеншау берется за решение этой задачи и утверждает, что “служба в британской армии была для шотландцев способом продемонстрировать поддержку Славной революции, протестантского устройства и Акта об унии”. Якобитская угроза, как полагает автор, представляла собой фактор, объединявший подданных Соединенного Королевства не менее, чем угроза французская. В обоих случаях актуализировался один и тот же набор представлений о “папистской угрозе” завоеваниями Славной революции. При этом связь якобитов с французским двором только укрепляла британцев в этом мнении (с. 193–194).

Особенно предметно связь между национальной самоидентификацией и военной службой предстает при анализе шотландской милиции. Разбирая акты о милиции эпохи Реставрации (1662, 1663, 1669 гг.) и билль о шотландской милиции 1708 г., В. Хеншау исследует состояние милиции во второй половине XVII в. (с. 120–123) и влияние англо-шотландской унии на развитие этого института в Шотландии (с. 123–125), его роль в свете неприятия в Британии внушительной постоянной армии с одной стороны, и угрозы мятежа в Шотландии – с другой (с. 125–127), процедурные аспекты мобилизации милиции (с. 127–132) и ее роль во время мятежей якобитов (с. 139–146). Опираясь на результаты исследования, автор утверждает, что для шотландцев участие в милиционных сборах и формировании волонтерских частей во время якобитских восстаний на стороне правительства являлось точно такой же манифестацией британской идентичности, как и служба в рядах британской армии в составе линейных полков. При этом их скромный вклад в разгром якобитов В. Хеншау связывает с особенностями функционирования бюрократического аппарата

Соединенного Королевства. В этом смысле большой интерес представляет предпринятый автором анализ деятельности Артиллерийской палаты. Обращая внимание на то, что ее члены, отвечавшие за возведение фортов и казарм в Шотландии, “были главным образом младшими офицерами, клерками, картографами и граверами”, а должностные лица в правительстве, отвечавшие за юридическое и финансовое обеспечение их деятельности, часто были заняты другими государственными делами, В. Хеншау заключает, что “степень интереса и познаний о Шотландии” зависели скорее от людей, вовлеченных в деятельность палаты, чем от ее институциональных особенностей (с. 182).

Таким образом, традиционное представление о процессе принятия решений о присутствии британской армии в Шотландии оказывается менее определенным и требует дальнейших исследований. И в этой связи необходимо высказать ряд замечаний к работе. Прежде всего обращает на себя внимание противоречие при выборе темы и сюжетов исследования. Из названия следует, что речь должна идти об истории “шотландского гарнизона”. Однако уже во введении уточняется, что предметом исследования являются шотландские части британской армии. При этом в работе В. Хеншау уделяет внимание различным организационным и институциональным формам военной службы Короне в Шотландии помимо армии – милиции, волонтерским полкам. Автор имеет на это право, но в таком случае следует говорить не о британской армии (как государственном институте), а о британском военном присутствии в Шотландии как военно-политическом и социальном явлении.

Отсутствие ясности в вопросе о том, что, по мысли В. Хеншау, следует отнести к объекту и предмету исследования, находит свое подтверждение, в частности, в разделе о методологии (с. 12–13). В нем речь идет о хронологии исследования и о том, что данная работа не является еще одной историей якобитского движения. О самой методологии не сказано ни слова, хотя, например, соображения автора о военно-исторической антропологии и исследовательском потенциале проблематики современного государства просто напрашиваются. Складывается впечатление, что для автора методы и методология исследования – синонимы.

Не определенный четко ракурс исследования (объект, предмет, методология) соотносится с односторонней трактовкой историографии проблемы (с. 3–8). В. Хеншау справедливо указывает на ее пробелы – в частности, на отсутствие обобщающей работы, в которой

были бы суммированы все имеющиеся сведения касательно военной службы шотландцев британской короне. Однако автор не только не учитывает в должной мере историографию, но и весьма однобоко трактует упоминаемые работы с точки зрения их значения для поднимаемых ею проблем.

Так, американский историк Дж. Плэнк, чьи работы не привлекли внимания В. Хеншау, рассматривает британскую армию в Шотландии как корпоративный институт с собственными представлениями о роли и задачах военных в этой стране¹. Под пером Плэнка генералы предстают не послушными исполнителями реформаторских проектов правительства по умиротворению Шотландии и избавлению от якобитской угрозы, а активными участниками и инициаторами дискуссий на эту тему, сформулировавшими и пытавшимися реализовать на практике перспективу едва ли не ведущей роли армии во взаимосвязанных процессах “цивилизации” и укрепления лояльности трону с целью формирования идеального подданного на окраинах империи – проблема, которую автор определяет как одну из основных в рамках предпринятого исследования.

В результате один из важнейших аспектов истории британской армии в Шотландии в XVIII в. – отношения между военными и штатскими на институциональном и бытовом уровне – остался почти не затронутым. Отмечая, что многие современные исследования, затрагивающие британское военное присутствие в Шотландии, вызваны практическим интересом к антипартизанской борьбе, В. Хеншау, однако, не развивает эту мысль и ограничивается упоминанием конфликтов, возникавших в связи с постоем солдат в городах – главным образом в свете неприятия в Великобритании внушительной постоянной армии в мирное время (память о “деспотической власти” времен Протектората и Реставрации). Между тем автору стоило бы обратить внимание и на то, что в истории Британской империи стремление “завоевать сердца и умы” аборигенов превратилось в оспариваемый императив колониальных властей и армия играла в этих процессах особую роль, фактически выступая в роли коллективного колониального агента на имперских окраинах.

Наконец, в монографии В. Хеншау встречаются фактические ошибки. Так, Королевская военная академия в Вулвиче была открыта не в 1721, а в 1741 г.; “Военное обозрение Шотландии” (“карта Шотландии герцога Камбер-

¹ *Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006.*

ленда”) было завершено не в 1752, а в 1755 г.; сэр Роберт Уолпол де-факто стал премьер-министром не в 1730, а в 1721 г.; генерал-майор Джордж Уэйд был назначен командующим королевскими войсками в Шотландии не в 1724, а в 1725 г.; первые акты о разоружении Шотландии (в действительности это были акты о разоружении Горной Шотландии) были приняты не в 1715 и 1726, а в 1716 и 1725 гг.

Когда В. Хеншау пишет, что набранные среди горцев отдельные роты “идеально подходили для претворения в жизнь актов о разоружении” (с. 40), она демонстрирует непонимание возможностей британской армии и, шире, реалий Шотландии в первой половине XVIII в. Простая логика подсказывает, что если бы дело действительно обстояло именно так, тогда вслед за одними актами о разоружении не появлялись бы другие. Разрыв между масштабами задач, поставленных актами о разоружении, и средствами их реализации, которые еще создавались (форты, укрепленные казармы, военные дороги, агентурная сеть британского военного командования и численный рост британской армии в стране) позволяет предположить, что в таком буквальном значении задача разоружения горцев перед командующими никогда и не ставилась. При этом программы умиротворения Шотландии были бы невозможны без их легализации этими актами, и именно в этом их основное практическое назначение и военно-политический смысл.

Вызывает удивление то, что автор объясняет назначение командующим королевскими войсками в Шотландии генерала Уэйда в 1725 г. его рапортом о положении в Горной Стране (10 декабря 1724 г.) и опытом решения проблем логистики “на гористых просторах Минорки” в 1708 г. (с. 167). Во-первых, В. Хеншау подменяет причину и следствие. Не рапорт, а предыдущий служебный опыт предшествовал назначению генерала в Шотландию с разведывательными целями летом 1724 г. – результатом этой миссии и стал упомянутый рапорт. Власти брали в расчет прежде всего опыт Уэйда по обеспечению снабжения британской армии в Испании и Португалии во время Войны за испанское наследство, а также его активное участие в раскрытии так называемого “шведского заговора” в Лондоне в 1717 г. (генерал руководил арестом шведского посла и обыском его дома, обнаружив бумаги, подтверждавшие связь с якобитами). Во-вторых, свою роль сыграл, скорее, опыт военных действий на Иберийском полуострове, чем

на Минорке. Так, Франция и Испания в годы Войны за испанское наследство заимствовали местные традиции партизанской войны, сформировав отряды горных фузилеров, обмундированных и действовавших по образцу каталонских горных фузилеров, заимствовавших тактику у каталонских же и руссильонских партизан-микелетов, противостоявших Мадриду и Версалию еще в середине XVII в. Именно на Иберийском полуострове, а не на Минорке генерал Уэйд познакомился с особенностями горной войны, привычной и горцам Шотландии.

Таким образом, стремление написать обобщающий труд, механически объединив в монографии темы, каждая из которых представляет собой отдельное направление в историографии, привело В. Хеншау зачастую к ошибочным, вторичным и тривиальным выводам (в последнем случае характерным является утверждение, что британская армия фактически существовала за 40 лет до унии: с. 86).

Тем не менее, суммируя достоинства и недостатки, следует признать, что предпринятое В. Хеншау исследование представляет определенный интерес. Автор руководствовалась намерением свести воедино историю британской армии (идея вполне перспективная), связанную и с Лоулэндом, и с Хайлендом, в свете последствий Славной революции, англо-шотландской унии 1707 г. и формирования британской идентичности. В качестве реферативного изложения основных положений современной историографии по поднимаемым автором темам работа может быть любопытна коллегам, занимающимся изучением британской истории, а отдельные положения будут интересны профессиональным историкам.

Кроме того, исследование В. Хеншау имеет немаловажное значение и еще в одном отношении. Демонстрируя характерный академический провинциализм, отражающий, скорее, исследовательскую позицию автора, оно заставляет задуматься, насколько международные системы цитирования, отдающие языковое преимущество публикациям на lingua franca относительно прочих, при таком подходе зарубежных коллег способны адекватно отражать развитие современного гуманитарного научного знания, в том числе в нашей стране.

С.Г. Малкин,
кандидат исторических наук,
доцент Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии